

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.2.159

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ К. СКИННЕРА: ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В ТРУДАХ Н. МАКИАВЕЛЛИ

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Контекстуализм Скиннера выражается в представлении, что тексты могут быть правильно поняты и истолкованы только при помещении их в соответствующий интеллектуальный контекст, который может быть постигнут только с позиции языка. Указывается, что интерес Скиннера к прочтениям текстов в границах политической теории был обусловлен верой в необходимость исторической точности в различных работах по политической теории. Рассматривается интерпретация Макиавелли как истинного сторонника свободы и республиканского режима, предложенная Скиннером.

Ключевые слова: интеллектуальная история, контекстуализм, политическая теория, речевой акт, свобода, негативная свобода.

К. Скиннер – историк, философ, один из ведущих представителей Кембриджской школы, внес вклад в развитие интеллектуальной истории, отмечая большую значимость философии при формировании ее проблемного поля. К примеру, в работе «Значение и понимание в истории идей» Скиннер, используя достаточно сложную терминологию, основанную на представлениях Л. Витгенштейна и Р.Дж. Коллингвуда, стремился «придать истории идей ее собственную философскую опору» [13, р. 49–50], а также обращал внимание на «возможность диалога между философскими обсуждениями и историческими свидетельствами».

Методологические основы интеллектуальной истории Скиннера во многом покоятся на подходе к историческому исследованию Коллингвуда – методе вопросов-ответов, согласно которому, чтобы понять текст или действие, нужно его рассмотреть не просто как событие, а как попытку решить проблему. Значительное влияние оказала и аналитическая философия [4]. Привлекательной оказалась теория языковых игр и подход к языку как к целенаправленному дискурсу, а также закономерно вытекающие из этого вопросы о различных намерениях: «Я никогда не переставал верить... что намерения и значения, будь то в отношении действий или высказываний, являются общественным делом, и их следует понимать, не пытаясь забраться в головы действующих лиц прошлого, а просто наблюдая за формами жизни, в границах которых они действуют» [6, р. 15]. Внимание Скиннера также привлекли и исследования Дж. Остина, естественным образом вытекавшие из воззрений Коллингвуда и Витгенштейна. Результатом стало удивительно точное представление об огромном диапазоне применений

языка и теории речевых актов: когда Скиннер пишет об авторских намерениях, он пишет о том, что Остин называл иллюкутивной силой высказывания.

Вызов, поставленный работой Скиннера, заключается не просто в отрицании того, что политические теории прошлого когда-либо могут иметь отношение к современности, а в том, чтобы рассмотреть возможную методологию, которая не привела бы к редукции истории политической мысли к вечным доктринам и идеям [17, р. 5]. Скиннер был весьма непреклонен в этом вопросе. Он настаивал на том, что мы не можем ничему научиться, изучая «вечные» вопросы и ответы, данные классическими произведениями. Писатели прошлого – не наши современники, поэтому «мы должны научиться думать самостоятельно» [3]. Подобная позиция не является неоспоримой. К примеру, Я. Шапиро заявляет, что изучение истории идей обычно, хотя и не обязательно, «уходит корнями в настоящее», а понимание настоящего с исторических позиций желательно по многим причинам. Например, мы можем узнать, «откуда пришли наши убеждения и какие функции они выполняют в современном мире» [11].

Скиннер использует слово «исторический» как дескриптивно-нормативный критерий оценки любой политической теории. «Исторический» подразумевает, что использование и значение языка в обществе определяются и узакониваются сетью конвенций и языковых практик. Логика политики – это логика идеологической борьбы за определение этих условностей посредством новых языковых употреблений. Это приводит Скиннера к рассмотрению политических концептов как инструментов иллюкутивной речи. Отсюда необходимость связывать понятия с практикой, институтами, традициями и идеологиями. В противном случае невозможно определить, чему именно они бросают вызов или какую реальность пытаются защитить или создать [7].

Скиннер утверждает, что интеллектуальный историк должен соответствовать трем требованиям, если он хочет правильно понять значение термина. Во-первых, этот человек должен знать смысл, в котором используется этот термин. Другими словами, он должен знать критерии, которые отличают слово от слов со сходными и противоположными значениями. Во-вторых, он должен знать, при каких обстоятельствах термин может быть употреблен должным образом, – референцию слова. Наконец, интерпретатор должен знать, в каких речевых актах может использоваться данный термин. Он должен знать, употребляет ли автор оценочный термин для выражения либо одобрения, либо неодобрения. Знать, какие речевые акты могут осуществляться, значит знать, что человек делает или намеревается делать, употребляя этот термин.

Интеллектуальная история в том виде, в каком ее практикует Скиннер, также не содержит в себе кантианской критики, демонстрации условий возможности политической деятельности. Скорее наоборот, это критика в

стиле Фуко, которая вопрошает: «Какое место занимает единичное, случайное и продукт произвольных ограничений в том, что дано нам как всеобщее, необходимое, обязательное?». По словам Скиннера, мы укоренены в практиках и отчасти ограничены ими. Но эти практики частично обязаны своим господством способностям нашего нормативного языка, и мы всегда открыты для использования ресурсов языка как для разрушения, так и для поддержания их. Следует обратить внимание и на определенные сходства в работах Скиннера и Фуко. Оба теоретика исследуют язык как структурную детерминанту действия и анализируют дискурсы. Однако, в отличие от работ Фуко, теория и методология Скиннера открывают возможность выйти за рамки простого изучения «дискурсивной практики» и выявить потенциальных инициаторов изменений в практиках. В то время как Фуко все еще придерживался структуралистской традиции, для Скиннера большое значение приобретают намерения действующего лица, создающего тексты, а интерпретацию текстов он связывает с лингвистическим контекстом [5].

Контекстуализм Скиннера позволяет увидеть, как мы «захвачены» собственным специфическим языковым контекстом, и понять, что наши концепции не являются самоочевидными интерпретациями реальности, поскольку на протяжении всей истории существовали разные соперничающие концепции [5]. Таким образом, исторические исследования становятся актуальными для политологов: потому что «мы можем надеяться достичь определенного рода объективности в оценке конкурирующих систем мышления. Мы можем надеяться достичь большей степени понимания и, следовательно, большей толерантности к различным элементам культурного разнообразия... Мы можем надеяться обрести точку зрения, позволяющую посмотреть на нашу собственную форму жизни более самокритичным образом... Мы также можем обнаружить, что кое-что из того, во что мы сейчас верим, например, наши моральные или политические договоренности, на самом деле ложно. Размышляя о таких альтернативных возможностях, мы обеспечиваем себя одним из лучших средств предотвращения перерождения наших нынешних моральных и политических теорий в некритически принимаемые идеологии» [5]. В тоже время Парех и Берки отмечают, что Скиннер явно не определяет, что он подразумевает под «контекстом» [9]; на отсутствие рассуждений о том, какой конкретный контекст следует анализировать при изучении того или иного текста, обращает внимание и Шапиро. Скиннер не предлагал четкой и точной дефиниции контекста. По мнению Асарда, при прочтении Скиннера складывается впечатление, что он принимает контекст как нечто само собой разумеющееся. Тем не менее Скиннера определенно интересуют замысел, биография и, хотя и в меньшей степени, мотивы писателя, но также он обращает внимание на взаимоотношения между авторскими текстами и интеллектуальной средой, в которой они возникли. По сути, изучение идеологического контекста мыслителя имеет первостепенное значение для проекта Скиннера. Он также обращает внимание на политическую структуру окружающего общества, стараясь

скрупулезно описать законы, принятие решений, формы правления и существующие структуры власти [3]. В тоже время Скиннер, обсуждая, что представляет собой надлежащий контекст для данного текста, не пытался подробно указать, почему одни факторы, например, политическая обстановка, важнее других, на что указывала Дж. Шклар [12].

Интерес Скиннера к прочтениям прошлых текстов в границах политической теории был обусловлен верой в необходимость исторической точности в различных работах по политической теории [5]. Политическая жизнь сама по себе ставит главные проблемы и задачи, формулируемые в рамках существующего интеллектуального языкового контекста. Он состоит из унаследованной культуры и традиций политического мышления, преобладающих в данном обществе. Действующее лицо действует только в рамках словарей (или же идеологий), устанавливаемых специфическим языковым контекстом. Данный контекст как ограничивает, так и дает возможность действовать, думать и говорить определенным образом. Если исследователь понимает смысл текста, он может понять и соотношение между теорией и практикой, поскольку автор в лингвистическом контексте принимает или отвергает, ставит под сомнение, иронизирует о чем-либо или же бросает вызов преобладающим предположениям и условностям и в некоторой степени изменяет или трансформирует значение языка [14].

Интерпретация любого текста всегда потребует применения двух неразрывно связанных представлений. Во-первых, понимания содержания самой аргументации, т. е. «выявление того, что имел в виду автор, рассуждая именно так, как он рассуждал» [1, с. 166]. Во-вторых, представление о том, что прошлое может не иметь никакого отношения к современности [1, с. 166].

Скиннер сосредоточился на исследованиях философии Раннего Нового времени, в частности, на воззрениях Т. Гоббса, и это решение было скорее методологическим, нежели историческим [6, р. 7]. Скиннера не привлекал ни марксистский, ни библейский подходы к текстам Гоббса, ни стремление продемонстрировать его вклад в решение «вечных проблем». Дискутируя с Макферсоном, Скиннер утверждал, что для понимания теории политических обязательств Гоббса в «Левиафане» нужно понять, почему данная проблема стала актуальной после казни короля Карла I в 1649 г., также требования присяги граждан, выдвигаемые правительством, а не понимание экономического характера общества того времени. По Скиннеру, когда Гоббс в «Левиафане» утверждал, что послушание и защита взаимосвязаны, его цель состоит в том, чтобы предложить решение этого конкретного кризиса легитимности, и это именно тот тип контекста, который необходим для подлинного исторического понимания его творчества [6, р. 8].

Обращаясь к Гоббсу, Скиннер решал, по существу, теоретическую задачу – стремился показать, что господствующие подходы к истории философии были неверно истолкованы. Во-первых, на него повлияла сама идея канона. Британским ученым того периода казалось очевидным, что

двумя великими отцами-основателями современной политической теории были Гоббс и Локк, первый из которых был ведущим образцом теории государства, а второй – теории народного суверенитета. «Джон Данн уже писал о Локке. Поэтому я выбрал Гоббса». Во-вторых, главная причина исследования Гоббса покоится в растущих сомнениях в самой идее канона. «Я чувствовал, что должен быть создан труд, основанный на контекстуализации, попытаться реконструировать интеллектуальный контекст, в котором и для которого изначально были написаны их тексты» [6, р. 8–9].

Хотя Скиннер начинал как сторонник более исторически ориентированного подхода к изучению моральной и политической мысли, со временем он все больше и больше опирался на свои личные политические предпочтения, хотя заявленный методологический подход Скиннера – контекстуализм – никогда не менялся, что подчеркивалось даже самым активным критиком Скиннера Ламбом [8]. Сам Скиннер в многочисленных интервью подтверждал как свою сильную, постоянную приверженность разрабатываемым им методологическим идеям, так и энтузиазм по поводу республиканизма и идеала свободы, который он пытался восстановить, опираясь на работы теоретиков республиканизма прошлого: «Моя недавняя работа, как вы правильно заметили, вероятно, сдвинулась в сторону того, чтобы стать более политической и, возможно, слишком политической по своему характеру» [10]. Скиннер, который в 1969 г. так энергично доказывал, что не существует вопросов о «постоянной “актуальности”, “вечных проблемах” и “универсальных истинах” и что «классические тексты не могут касаться наших вопросов и ответов, а только своих собственных», уже в 1980-е гг. стал говорить об изучении мысли как способе решения наших собственных проблем по крайней мере в границах политической теории [10]. Как продемонстрировал Буше, Скиннер прямо признает, что в классических текстах можно найти вечные вопросы и вневременные элементы, например, говоря, что Макиавелли посвятил себя «точно тому же кругу тем», что и писатели, жившие за несколько столетий до него. Кроме того, в «основной традиции итальянской политической теории» мы внезапно обнаруживаем два «вечных вопроса», а именно: «необходимость сохранения политической свободы и опасности для свободы, связанные с наличием постоянных наемных армий» [3, р. 103].

Большое внимание Скиннер уделяет ценностям республиканизма, поэтому одним из мыслителей, постоянно привлекавших его внимание, был флорентинец Никколо Макиавелли. Интерпретация Скиннера, согласно которой Макиавелли – настоящий, «истинный» республиканец, главным идеалом и ключевой ценностью которого является свобода, преобладает в современной англоязычной традиции и развитии современной республиканской политической философии. Следует отметить, что скрытое «про-республиканское» прочтение Макиавелли возможно обнаружить уже в «Значении и понимании в истории идей», а на страницах «Истоков современной

политической мысли» Макиавелли трактуется именно с позиций республиканизма. Именно Макиавелли является для Скиннера основным примером правильного республиканского понимания свободы, которое совпадает с собственным политическим идеалом Скиннера. В работе «Идея негативной свободы: философские и исторические перспективы» Скиннер представляет Макиавелли теоретиком, прежде всего, негативной свободы. Отмечая, что различия между позитивной и негативной свободой были актуализированы в работах И. Берлина, который ассоциировал негативную свободу с либерализмом, а позитивную с республиканизмом, Скиннер пересматривает подобные взгляды, утверждая, что традиционная республиканская свобода скорее согласуется с негативным пониманием. Подобная трактовка является достаточно спорной. К примеру, Покок утверждает, что в работах Макиавелли можно обнаружить несколько концепций свободы: древнюю и современную, республиканскую и либеральную, позитивную и негативную свободы. Более того, сам Скиннер в «Истоках современной политической мысли» [2] не обнаружил «негативных» аспектов взгляда Макиавелли на свободу: «под “свободой” он понимает прежде всего независимость от внешней агрессии и тирании». Во-вторых, говоря о “свободе”, Макиавелли «имеет в виду также соответствующую способность свободного народа управлять собой, а не государем». Однако в 1980-е гг. Скиннер в границах переосмысления республиканизма как теории негативной свободы выделяет Макиавелли как его главного сторонника.

Основной тезис Скиннера звучит следующим образом: хотя Макиавелли рассматривает в «Рассуждении» очень многое, важнейшим его намерением является рассмотреть воззрение на *libertas*, стоящее в центре римской республиканской политической мысли, но затем стертое в силу различных пониманий этой идеи в Средние века. Тем не менее, по мнению Н. Реджента, для Макиавелли политическая свобода не является главной целью: она важна, поскольку является средством расширения территории и создания империи, как показал великий пример Рима. Для Макиавелли политическая свобода – это свобода вооруженного гражданина, всегда готового сокрушить своих соседей, и он никоим образом не «принимает господствующее мнение о том, что необходимо изучать реальную конституционную практику, если мы хотим узнать секрет сочетания свободы и мира» [15], как выразился Скиннер. Свобода важна для Макиавелли, но прежде всего как средство обеспечения *virtu* республики, направленной на завоевание мира; свобода имеет лишь второстепенное значение по сравнению с величием, экспансией, империей.

Для Скиннера восстановление подобной теории позволит помочь в понимании негативной свободы [1, с. 169]. Негативное определение свободы, по Скиннеру, появляется у Макиавелли в первой главе «Рассуждений». Существуют два типа граждан: *grandi* и *popolo*. Обе группы, по словам Скиннера, «одинаково стремятся быть свободными в том смысле, что им не

препятствуют в достижении определенных целей, которые они решают поставить перед собой». Цель *grandi* – оставаться как можно более свободными от любых препятствий на пути к славе и господству над другими, цель *popolo* – оставаться максимально свободными от всякого вмешательства, для того чтобы вести спокойную жизнь. Для Скиннера обе эти цели являются выражением одного и того же стремления к негативной свободе. Более того, даже желание быть свободным от вмешательства или препятствий и «приобретать славу... посредством господства над другими» Скиннер понимает как выражение негативной свободы [16, р. 205].

Свобода индивидов в политическом сообществе подразумевает, что они свободны в том смысле, что им не мешают стремиться к любым самостоятельно избранным целям. Стало быть, быть свободным человеком означает иметь возможность действовать независимо от других. Тем самым Макиавелли под индивидуальной свободой понимает отсутствие принуждения, особенно отсутствие каких-либо навязанных другими ограничений возможности действовать независимо, преследуя самостоятельно выбранные цели [1, с. 171]. Поскольку люди преследуют разные цели, они заинтересованы в существовании в таком сообществе, которое лучше всего будет гарантировать свободу им следовать, независимо от того, к чему мы стремимся – к славе, власти или же безопасности. Вместе с тем важными для макиавеллевского определения негативной свободы являются еще два момента. Во-первых, Макиавелли проводит «решающее разграничение между «свободными людьми» и «теми, кто зависит от других». «Обладать своей свободой – значит быть свободным в обычном «негативном» смысле свободы» [1, с. 170].

Скиннер формулирует следующий тезис: продолжительное обладание личной свободой, по Макиавелли, возможно только для членов самоуправляемых сообществ, в которых воля самого политического общества направляет его действия, действия сообщества в целом. Макиавелли отмечает, что хотя подобное возможно и при монархическом правлении, это общее правило лучше всего соотносится именно с республикой. Подобная трактовка воззрений Макиавелли является достаточно дискуссионной. Основная проблема, по мнению критиков Скиннера, звучит следующим образом: разница между республикой и княжеской властью заключается в свободе командовать, свободе, которую государь не может вернуть населению. И такого рода свободу, в свою очередь, трудно трактовать иначе, чем как позитивную концепцию [10].

Тем не менее Скиннер излагает взгляды Макиавелли следующим образом: «только те, кто живут при республиканской форме правления, могут надеяться сохранить все составляющие личной свободы преследовать свои собственные цели, заключаются ли они в приобретении власти и славы или только в сохранении безопасности и богатства». Следовательно, вывод о том, что личная свобода может быть полностью гарантирована только в самоуправляемом республиканском сообществе, лежит в сердце всех теорий

гражданства классического республиканизма, хотя было отброшено позднейшими сторонниками негативной свободы [1, с. 173].

Одним из ключевых моментов логики описания свободы у Макиавелли является роль *ambizione* в политической жизни. Он полагает, что проявление амбиции всегда фатально для свободы того, против кого она направлена, поскольку она приобретает форму стремления принуждать других и использовать их как средство для достижения целей. *Ambizione* выражается в двух аспектах: во-первых, отражает стремление *grandi* достигать власти ценой угнетения своих сограждан; во-вторых, стремление господствовать над соседними государствами (примером подобного является Древний Рим, поскольку в силу *ambizione* римляне вели бесконечные войны со всеми окружающими их народами и достигли величия и славы, завоевав по очереди всех соседей). Из этого следует, что любое государство, желающее сохранить свою свободу, должно всегда быть готовым завоевывать других, ибо «если вы не готовы к нападению, вы уязвимы для нападения» [1, р. 174]. Следовательно, граждане должны быть защитниками своей свободы, избегать лени и быть готовыми отстаивать государство с оружием в руках. Макиавелли постоянно предупреждает, что полагаться на наемников означает верную гибель государства и отказ от свободы.

Скиннер выделяет два качества, необходимых для защиты свободы по Макиавелли. Во-первых, необходимо быть мудрыми, что выражается не в традиционном понимании мудрости, а в наличии благоразумия, осторожного и эффективного расчета возможностей и результатов. Во-вторых, необходимо обладать *animò* (боевой дух, мужество), которое Макиавелли объединяет с решимостью и настойчивостью. Кроме того, существует еще ряд качеств, которые Макиавелли заимствует из представлений о традиционных римских добродетелях. Первое – это мудрость, понимаемая как житейская мудрость или рассудительность опытного государственного деятеля, способного обнаруживать лучшую последовательность действий и осуществлять их [1, с. 177]. Второе – это готовность избегать всех проявлений неумеренного и распущенного поведения, обеспечивая тем самым обсуждение общественных дел и принятие решений на основе строгого порядка и умеренности. И здесь Макиавелли полностью следует классическим источникам, особенно Ливию и Цицерону.

Тем самым для Макиавелли готовность добровольно служить обществу, в том числе и сражаться в составе вооруженных сил, составляет необходимое условие защиты индивидуальной свободы. «Если мы не будем действовать “как те, кто с оружием защитил свободу Рима”, если мы не будем “готовы действовать для защиты Отечества” – мы будем завоеваны и поработаны» [1, с. 180]. Кроме того, личная свобода для Макиавелли также зависит от того, чтобы *grandi* не принудили *popolo* служить их целям. Способ предотвращения подобного – организация политического сообщества так, чтобы каждый гражданин был в равной степени готов участвовать в управлении сообществом в целом.

Не принимает Скиннер и утверждения, не совместимого с негативной свободой, по мнению ряда политических теоретиков: «качества, требуемые от каждого индивида для выполнения общественных обязанностей, есть достоинства (*virtues*), и только обладающие ими могут обеспечить свою свободу». Однако для Макиавелли это те качества, которые необходимо культивировать, чтобы служить сообществу, и это достаточно очевидно с республиканской точки зрения. Необходимо обладать тремя качествами: мужеством для защиты свободы, умеренностью и приверженностью порядку для защиты свободного правления и благоразумием, чтобы наиболее эффективно осуществлять гражданские и военные мероприятия. Но, выделяя эти свойства, Макиавелли обращается к трем из четырех основных добродетелей, перечисляемых римскими историками и моралистами, внося только одно изменение: он убирает такое качество, как справедливость [1, с. 181]. Макиавелли проводит разграничение между справедливостью на войне и в мирное время, доказывая, что во время военных действий обе формы *iniuria* часто бывают необходимы. Обман нередко играет решающую роль в достижении победы и бывает необходим для достижения целей, поэтому называть его бесславным абсурдно, что также верно и относительно жестокости, и эти качества были свойственны и Камиллу, и Манлию – величайшим римским военачальникам. Это представляет собой эпохальный разрыв с классическим республиканским подходом к основным добродетелям. Однако все остальное в анализе Макиавелли *virtu* и ее связи с *liberta* исключительно цицероновское.

Макиавелли чаще всего использует термин *virtu*, говоря о средствах, с помощью которых мы достигаем определенных результатов. Упомянув о *virtu* он говорил о способностях, талантах, возможностях. Он часто замечает, что качество, которое позволяет побеждать врагов, одерживать великие победы, это *virtu* военачальников или государств [1, с. 182]. Таким образом, в сердце политической теории Макиавелли лежит классическая идея, оформляемая игрой слов, которую использовали классические республиканские теоретики. С одной стороны, необходимо быть готовым отбросить требования справедливости и «действовать с жестокостью и вероломством, когда это необходимо для защиты общего блага». Но, с другой стороны, также необходимо мужество, умеренность и благоразумие. «Если мы спросим, в силу каких качеств, каких талантов и способностей мы можем надеяться обеспечить свою свободу и способствовать общему благу, ответ будет: в силу гражданских добродетелей» [1, с. 183]. Стало быть, по Макиавелли, выполнение общественных обязанностей и культивация добродетелей являются необходимым средством для того, чтобы избежать принуждения и рабства, и условием обеспечения личной свободы в чисто гоббсовском смысле этого слова.

Тем не менее, по Скиннеру, мы не должны следовать пониманию свободы Гоббса, что любая теория негативной свободы должна быть теорией прав личности, которое господствует в современных дискуссиях. И

примером того, что мы не обязаны рассматривать нашу свободу таким образом, служит концепция Макиавелли. «Теория Макиавелли – это теория негативной свободы, но он развивает ее, совершенно не используя понятие прав личности» [1, с. 184]. Хотя он часто рассуждает о том, что является морально правильным, в своих сочинениях он нигде не говорил об индивидах как о носителях прав. «Напротив, сущность его теории можно выразить, сказав, что достижение общественной свободы не может быть делом обеспечения личных прав, так как оно необходимо требует выполнения гражданских обязанностей» [1, с. 185].

Таким образом, истинное историческое понимание, по Скиннеру, состоит в изучении стремлений и намерений автора посредством анализа лингвистического контекста. В идеале аналитик должен исследовать нормативные словари и политические идеологии, для того чтобы очертить и установить структурные свойства языкового контекста; изучать деятельность действующих лиц и институтов при анализе конкретных политических мыслей и действий, т. е. объяснять, что автор делал, излагая свои доводы: какие выводы, какие действия он поддерживал или защищал, атаковал или отвергал, над чем иронизировал, что высмеивал, о чем презрительно умалчивал и т. д., во всех речевых актах, воплощенных в чрезвычайно сложном процессе намеренной коммуникации. Внимание Скиннера привлекают труды Макиавелли, которого он рассматривает как истинного республиканца, главным идеалом и ключевой ценностью которого является свобода, понимаемая в границах негативной концепции. Предложенная Скиннером интерпретация в настоящее время преобладает в современной англоязычной традиции и развитии современной республиканской политической философии.

Список литературы

1. Скиннер К. Идея негативной свободы: философские и исторические перспективы [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos/2013_02/10.pdf (дата обращения: 06.04.2023).
2. Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. М.: Изд-во «Дело», 2018. Т. 1: Эпоха Ренессанса. 464 с.
3. Asard E. Quentin Skinner and His Critics: Some Notes on a Methodological Debate [Electronic resource]. URL: <https://journals.lub.lu.se/index.php/st/article/download/3404/2975> (accessed: 24.02.2023).
4. Bevir M. The Role of Contexts in Understanding and Explanation [Electronic resource]. URL: https://escholarship.org/content/qt3rx2x6jv/qt3rx2x6jv_noSplash_1ed82de1cdda83d5159b849525a5ade6.pdf (accessed: 26.03.2023)
5. Edling M., Mörkenstam U. Quentin Skinner: From Historian of Ideas to Political Scientist [Electronic resource]. URL: https://tidsskrift.dk/scandinavian_political_studies/article/view/32837/31123pdf (accessed: 21.01.2023).
6. Koikkalainen P., Syrjämäki S. On Encountering the Past – Interview with Quentin Skinner [Electronic resource]. URL: <https://journal-redescriptions.org/articles/abstract/10.7227/R.6.1.4/> (accessed: 21.01.2023)

7. Kuschel G.B. Skinner's Methodology: A Weapon against Liberalism [Electronic resource]. URL: <https://revistas.ucm.es/index.php/RPUB/article/download/59700/4564456546875> (accessed: 24.08.2022).
8. Lamb R. Quentin Skinner's Revised Historical Contextualism: a Critique [Electronic resource]. URL: <https://ore.exeter.ac.uk/repository/bitstream/handle/10036/55413/RLambHHSSkinnerarticle.pdf?sequence=4&isAllowed=y> (accessed: 24.08.2022).
9. Parekh B., Berki R.N. (1973) The History of Political Ideas: A Critique of Q. Skinner's Methodology // Journal of the History of Ideas. 1973. № 2. P. 163–184.
10. Regent N. Quentin Skinner, contextual method and Machiavelli's understanding of liberty [Electronic resource]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/09526951211049930?icid=int.sj-abstract.citing-articles.1> (accessed: 21.01.2023).
11. Shapiro I. Realism in the Study of the History of Ideas // History of Political Thought. 1982. № 3. P. 535–578.
12. Shklar J. Review of Quentin Skinner The Foundations of Modern Political Thought // Political Theory. 1979. № 4. P. 549–552.
13. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas [Electronic resource]. URL: <http://people.exeter.ac.uk/sp344/-skinner%20meaning%20and%20understanding%20in%20hist%20ideas.pdf> (accessed: 24.02.2023).
14. Skinner Q. Motives, Intentions, and the Interpretation of Texts // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Cambridge: Polity Press, 1988. P. 393–408.
15. Skinner Q. On Justice, the Common Good and the Priority of Liberty // Dimensions of Radical Democracy. Pluralism, Citizenship, Community / ed. by C. Mouffe. London: Verso. P. 183–205.
16. Skinner Q. The Idea of Negative Liberty: Philosophical and Historical Perspectives // Philosophy in History / ed. by R. Rorty, J.B. Schneewind, Q. Skinner. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 193–222.
17. Whatmore R. Quentin Skinner and the Relevance of Intellectual History [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/34510985/Quentin_Skinner_and_the_Relevance_of_Intellectual_History (accessed: 21.01.2023).

Q. SKINNER'S INTELLECTUAL HISTORY: THE PROBLEM OF LIBERTY IN N. MACHIAVELLI'S WORKS

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

Skinner's contextualism is expressed in the notion that texts can only be correctly understood and interpreted when placed in an appropriate intellectual context, which, in turn, can only be understood from the standpoint of the available language. It is noted, that Skinner's interest in reading texts within the political theory was driven by a belief in the need for historical accuracy in various writings on political theory. Skinner's interpretation of Machiavelli as a true supporter of freedom and the republican regime is considered.

Keywords: *intellectual history, contextualism, political theory, speech act, freedom, negative liberty.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии, истории и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.04.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 24.05.2023.